

DOI 10.15393/j9.art.2017.4381

УДК 821.161.1.09“1917/1992”

Татьяна Николаевна Ковалева*Пятигорский государственный университет**(Пятигорск, Российская Федерация)*

tatjana_kovaleva@mail.ru

ПУТЬ ПО ВОЛЕ БОГА В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Аннотация. Статья посвящена изучению мотива Пути по воле Бога в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Это произведение насыщено образами перемещения главного героя в пространстве, а также мотивами движения, которые в комплексе формируют и позволяют выявить в тексте древнейшую мифологему Пути, обладающую высоким смысловым потенциалом. В ходе исследования автором установлено, что в романе «Жизнь Арсеньева» проявляется несколько значений и инвариантов этой мифологемы, среди которых исключительную роль играет мотив Пути по воле Бога, изучению которого уделено основное внимание. С этой целью выявлены и проанализированы ключевые пространственные образы христианского хронотопа романа (храм, церковь, собор), раскрыта роль библейских цитат, сюжетов, мотивов, образов, к которым в процессе осмысления поиска пути истинного обращается главный герой. Мотивы Пути к Богу и Пути по воле Бога играют ключевую роль для понимания исканий героя, ведущих авторских идей и выполняют в романе не только сюжетобразующую, но и смыслообразующую функцию.

Ключевые слова: И. А. Бунин, «Жизнь Арсеньева», мотив, христианская семантика, Путь по воле Бога, путь истинный, храм, библейские цитаты

Исследование христианской основы творчества И. А. Бунина и романа «Жизнь Арсеньева» в частности — одна из актуальнейших проблем современного буниноведения. Научные работы конца XX — начала XXI вв., посвященные этой проблеме¹, несомненно, развиваются в русле мощного направления современного отечественного литературоведения, изучающего христианские духовно-нравственные ценности как глубинную основу русской словесности².

Роман Бунина «Жизнь Арсеньева» насыщен образами и мотивами движения, исканий, метаний, странничества, которые в комплексе позволяют выявить в тексте произведения

древнейшую мифологему Пути, обладающую высоким смысловым потенциалом.

В романе выявляется несколько ключевых мотивов как инвариантов этой мифологемы. Прежде всего, это жизненный, мирской путь человека с радостями и горестями, обретениями и потерями, что актуализируется как в названии романа («Жизнь Арсеньева»), так и в многократном использовании в данном значении слова «путь».

Так, главный герой Алексей Арсеньев вспоминает о благоговении матери «на жизненный путь, на исход в мир из того подобию иночества» (курсив мой. — Т. К.)³, которым было его детство, отрочество, время первых юных лет.

Начиная рассказ о своей юности, Арсеньев называет свой путь «небудничным»:

...впереди ожидал меня и впрямь немалый, *небудничный путь* (курсив мой. — Т. К.), целые годы скитаний, бездомности, существования безрассудного и беспорядочного, то бесконечно счастливого, то глубоко несчастного, словом, всего того, что, очевидно, и подобало мне и что, быть может, только с виду было так бесплодно и бессмысленно... (5, 138–139).

Таким образом, мотив пути в романе обретает второе значение: это путь духовных исканий, его движение к высшему смыслу, к высшей истине, поиском которых задано движение Арсеньева. Однако это не просто путь исканий — это искания *Пути истинного*. Об этом свидетельствует актуализация в романе христианского варианта мотива пути.

В. Н. Топоров в работе «Пространство и текст», исследуя «мифологему Пути» на обширном материале мировой культуры, отмечал ее значимость и колоссальный духовный потенциал: «Во многих мифопоэтических и религиозных традициях мифологема пути выступает не только в форме зримой реальной дороги, но и метафорически — как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного), как некий свод правил, закон, учение, своего рода вероучение, религия» [17, 266–267]. Все великие духовные концепции подчеркивают, что «есть путь и его можно открыть» [17, 268]. Так, Будда называл свое учение Срединным путем. Такое же большое значение мифологема пути имеет

и в китайской философии. В древнекитайских философско-религиозных трактатах утверждается, что есть «путь Неба и Земли», «правильный и неправильный пути»: «От [правильного] пути ни на миг нельзя отойти; то, от чего можно отойти, вовсе не является [правильным] путем», — читаем у Даодэцзина (цит. по: [17, 269]).

Совершенно исключительную роль мотив пути играет в иудаизме и христианстве. В. Н. Топоров справедливо утверждает, что древнееврейский монотеизм и христианство строятся «как учение о пути, указуемом Господом» [17, 270]. Книги Ветхого Завета пронизаны мотивами и идеей Пути по воле Бога: «Укажи мне, Господи, пути Твои» (Пс. 24:4), «Ты укажешь мне путь жизни» (Пс. 15:11), «научи меня, Господи, пути Твоему» (Пс. 26:11), «все пути Господни — милость и истина» (Пс. 24:10), «держись пути Его» (Пс. 36:34), «Ходите по тому пути, по которому повелел вам Господь, Бог ваш, дабы вы были живы, и хорошо было вам» (Втор. 5:33) и множество других примеров.

В Новом Завете символика пути и идея Пути по воле Бога продолжает развиваться: «Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь» (Мф. 22:16). В то же время в Евангелиях дан уже новый уровень осмысления Пути человека по воле Бога: показан «экзистенциально обнаженный и предельно личный, персонифицированный образ пути» — путь Христа [17, 271]: Фома сказал ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есмь *путь* (курсив мой. — Т. К.) и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин. 14: 5–6).

Мотив Пути к Богу и Пути по воле Бога имеет в романе «Жизнь Арсеньева» особое значение и играет ключевую роль для понимания исканий главного героя и ведущих авторских идей.

В своих воспоминаниях Арсеньев выделяет начало движения в «большой мир» и встречу с храмом как одно из основных событий детства, где «на первом месте стоит <...> первое в жизни путешествие, самое далекое и самое необыкновенное из всех <...> последующих путешествий» (5, 10). Этим событием была поездка в город, с семиотической точки зрения

представляющий образом большого мира, отождествляющийся с ним: все, что происходит в городе, имеет не только локально-городское, но и обобщающее «мировое» значение. Поэтому особый смысл приобретают пространственные образы и пространственное положение героя в описании этого макромира.

В городе-мире происходит первая встреча героя с храмом. Свой путь Арсеньев ощущает благословленным свыше: его «встречает» и «провождает» из города церковь Михаила Архангела. Герой подробно описывает, какое потрясающее впечатление произвели на него церковь Михаила Архангела и праздничный колокольный звон. Находясь с родителями на одном из верхних этажей гостиницы, Арсеньев оказывается над миром земным, но над ним самим господствует мир неба и храма:

Я висел над пропастью, в узком ущелье из огромных, никогда мною не виданных домов, меня ослеплял блеск солнца, стекловывесок, а *надо мной* на весь мир разливался какой-то дивный музыкальный кавардак: звон, гул колоколов *с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в такой величии, в такой роскоши*, какие и не снились римскому храму Петра, и *такой громадой*, что уже никак не могла поразить меня впоследствии пирамида Хеопса (курсив мой. — Т. К.) (5, 11).

Храм (церковь, собор) как образ христианского хронотопа, как сакральный центр города-мира, символ проявления Неба на земле, знак духовного бытия человека является сквозным пространственным образом романа. Путь Арсеньева неизменно проходит через него. Там душа героя переживает катарсис, находит успокоение, там в отрочестве укрепляется его вера в Бога. Все сцены в храме показаны Буниным крупным планом. Течение художественного времени в такие моменты сюжета замедляется: важно описание каждой минуты, каждой детали. Описывая церковную службу, Арсеньев подробно передает свои чувства:

Как все это волнует меня! <...> все это стало как бы частью моей души, и она, теперь уже заранее угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубо, с вящей родственной готовностью. «Слава святей, единосущней» — слышу я знакомый

милый голос, слабо долетающий из алтаря, и уже всю службу стою я зачарованный.

— «Приидите поклонимся, приидите поклонимся... Благослови, душе моя, Господа», — слышу я, <...> и у меня застилает глаза слезами, ибо я уже твердо знаю теперь, что *прекрасней и выше всего этого нет и не может быть ничего на земле* (курсив мой. — Т. К.) (5, 65).

Оторвавшись от родного дома, ощущая себя странником в большом мире, Арсеньев приходит в церковку Воздвижения «истинно как в отчую обитель», успокаиваясь и очищаясь душой, «слушая скорбно-смирненное “Да исправится молитва моя” или сладостно-медлительное “Свете Тихий — святых славы бессмертного — Отца небесного — святого, блаженного — Иисусе Христе...” <...> или опускаясь на колени в тот таинственный и печальный миг, когда опять на время воцаряется глубокая тишина во всей церкви, опять тушат свечи, погружая ее в темную ветхозаветную ночь, а потом протяжно, осторожно, чуть слышно начинается как бы отдаленное, предрасветное: “Слава в вышних Богу — и на земли мир — в человецех благоволение...” — с этими страстно-горестными и счастливыми троекратными рыданиями в середине: “Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим!”» (курсив мой. — Т. К.) (5, 66).

Особую роль в развитии идеи Пути по воле Бога и в выражении авторского замысла в целом играет описание *царских врат в храме*. Бунин с удивительной глубиной понимания и в то же время поэтично раскрыл их символическое значение как части христианского хронотопа романа:

Закрываются и открываются Царские Врата, знаменуя то наше отторжение от потерянного нами рая, то новое лицезрение его, читаются дивные Светильничные молитвы, выражающие наше скорбное сознание нашей земной слабости, беспомощности и наши домогания наставить нас на пути Божии, озаряются ярче и теплее своды церкви многими свечами, зажигаемыми в знак человеческих упований на грядущего Спасителя и озарения человеческих сердец надеждою, с крепкой верою в щедроты Божии звучат земные прошения великой ектении: «О свышнем мире и спасении душ наших...» (5, 66).

Знаменательно, что в молитвах, которые запомнились Арсеньеву на всю жизнь, звучат именно мотивы Пути человека к Богу и Пути по воле Бога, органично выражая *идею спасения души на праведном пути к Богу*: «*Приидите поклонимся, приидите поклонимся... Благослови, душе моя, Господа*»; «*Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим!*»; звучат «молитвы, выражающие наше скорбное сознание нашей земной слабости, беспомощности и наши домогания *наставить нас на пути Божии*»; «*О свышнем мире и спасении душ наших...*» (курсив мой. — Т. Н.) (5, 65–66).

О своих духовных исканиях, о смысле бытия, высшей истине и о своем Пути Арсеньев размышлял именно с помощью библейских цитат, мотивов, образов, сюжетов. В конце 4-ой главы 1-ой книги Бунин вводит в воспоминания героя слова Господа из Ветхого Завета: «*Пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших...*» (Ис. 55:9). Эта цитата из Библии, введенная в повествование после рассказа Арсеньева о судьбе и смерти матери, становится, выражением мысли о непостижимости Божьего замысла («*Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!*» — Рим. 11:33), неоднократно звучащей в романе и связанной с темой судьбы человека. В контексте всего произведения она выражает *идею Бога как символа высшего смысла и высшего закона бытия*, согласно которому человек должен во всем видеть Божью волю и принимать ее. Размышляя в отрочестве о тайнах смерти, вспоминая умершего родственника Писарева и задаваясь вопросами, «где теперь этот человек, что с ним случилось, что такое та вечная жизнь, где он будто бы пребывает?» — Арсеньев-ребенок обретает опору и успокоение в вере в Бога:

Но безответные вопросы не повергали больше в тревожное недоумение, в них было даже что-то утешающее: где он — *ведомо одному Богу, которого я не понимаю, но в которого должен верить и верю, чтобы жить и быть счастливым* (курсив мой. — Т. К.) (5, 105).

Это признание свидетельствует о том, что истина главенства воли Бога над волей, мыслями, желаниями человека входит в душу героя с детства. Поэтому так запоминается Арсеньеву-подростку в церкви молитва со «страстно-горестными

и счастливыми» мольбами, наставляющая на путь истинный: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим!» (курсив мой. — Т. К.) (5, 66).

В одном из кульминационных моментов романа вновь звучит идея Пути по воле Бога как истинного пути. Об этом свидетельствуют раздумья героя над своим первым крупным художественным замыслом, в которые Бунин вводит цитату из Библии, прямо и развернуто выражающую эту идею. Арсеньев вспоминает историю из Ветхого Завета об Аврааме, исполнившем волю Бога и выведшем свой народ из фараонского рабства к земле обетованной: «Верю Авраам повиновался призыванию идти в страну, обещанную ему в наследие, и пошел, не зная, куда он идет...» Да, не зная! Вот так же, как и я! «Верю повиновался призыванию...» (5, 203–204). Чувствуя в себе пробуждение творческого дара, главный герой воспринимает его не просто как «писательство», но, несомненно, и как форму самосознания. Бунин лишь один раз подробно описывает муки творчества Арсеньева — его работу над первым замыслом. Но на фоне обобщенного повествования о формировании писателя в главном герое такое замедление художественного времени подчеркивает значимость его чувств и раздумий.

Однако юный Арсеньев допускает опасную ошибку, вполне объяснимую в период его становления, самоутверждения в жизни и жажды самореализации. В его размышлениях происходит незаметная подмена Пути по воле Бога другим вариантом пути — жизнью, единственная цель которой — человеческое счастье: «...“Верю Авраам повиновался...” Вот так же, как и я! “Верю повиновался призыванию...” Верю во что? В любовную благодать Божьего веления. “...И пошел, не зная куда...” Нет, зная: к какому-то счастью, то есть к тому, что будет мило, хорошо, даст радость, то есть чувство любви — жизнь... Так ведь и я жил всегда — только тем, что вызывало любовь, радость...» (курсив мой. — Т. К.) (5, 204). В Библии Путь по воле Бога — это «благодать Божьего веления». Арсеньев же подменяет «Божье веление» своим желанием человеческого счастья, того, «что будет мило, хорошо, даст радость, то есть чувство любви — жизнь» (5, 204). Это искажение смысла

библейской истории, свидетельствующее о том, что герой еще не постиг всей глубины Божественной истины, приведет его ко многим заблуждениям и ошибкам — к отступлению от Пути истинного.

«Пьеру все кто-то говорил: “Жизнь есть любовь... Любить жизнь — любить Бога...” Это кто-то и мне всегда говорит, и как люблю я все, даже вот эту дикую ночь! Я хочу видеть и любить весь мир, всю землю, всех Наташ и Марьянок, я во что бы то ни стало должен отсюда вырваться» (5, 137), — говорит Арсеньев о своей любви к земному в период страстного желания юношеской самореализации и самоутверждения в жизни. Опасность и гибельность такой любви к земным ценностям замечательно показана Буниным с помощью символической картины неба, следующей за приведенными словами Арсеньева. Поскольку небо в пространстве романа является символом обители Бога и высших устремлений человека, то его существенные трансформации предупреждают об опасностях отхода от Пути истинного:

В кольце вокруг млечно-туманной луны было точно какое-то зловещее небесное знамение. Бледный, слегка склоненный набок лик ее все больше грустнел и туманился, на белесой мути неба, в вышине неслись и мешались, порой могильно закрывая этот лик, дымные, свинцовые, а то и совсем темные облака... С севера, из-за ревущего сада, поднималась черная туча, и дико пахло по ветру снегом (5, 137).

Однако в Арсеньеве постоянно живет смутное ощущение необходимости чего-то более значительного, чем самоутверждение и упоение счастьем земной жизни. Поэтому звучат в его душе слова умирающего князя Андрея Болконского: «Ничего нет в жизни, кроме ничтожества всего понятного мне, и величия чего-то непонятного, но важнеего...» (5, 137). Осознание собственных ошибок усиливает огромную внутреннюю потребность к постижению сокровенной сущности Бога, «своего», «живого» Бога, обретенного в результате собственных жизненных испытаний и открытий, и ведет Арсеньева-юношу к дальнейшим экзистенциальным поискам. В этом смысл открытого финала романа.

Несмотря на продолжающиеся духовные искания героя, автор утверждает идею пути истинного как Пути к Богу и Пути по воле Бога уже в самом начале романа, в 1-ой главе 1-ой книги, играющей роль вступления, объясняющего причину, мотивировку и цель рассказа Арсеньева, и одновременно включающей своеобразный эпилог (см. об этом: [13]). Особое значение имеет последний абзац, поскольку это признание взрослого Арсеньева, человека, подводющего жизненные итоги и открывшего в жизни самое главное — «зов к небесному Граду»:

В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют, некогда славных, а теперь заглохших, бедных, в повседневности живущих мелкой жизнью. Все же над этой жизнью всегда — и недаром — царит какая-нибудь серая башня времен крестоносцев, громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий Господний глашатай, зовущий к небесному Граду (курсив мой. — Т. К.) (5, 8).

Путь по воле Бога утверждается автором романа как единственно верный, истинный путь человека в жизни.

Мотивы Пути к Богу и Пути по воле Бога играют ключевую роль для понимания исканий героя, ведущих авторских идей и выполняют в романе не только сюжетобразующую, но и смыслообразующую функцию.

Примечания

- ¹ См. об этом, напр.: [1]; [2]; [10]; [11]; [12]; [13]; [14]; [15]; [16].
- ² См. напр.: [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]. В этом ряду необходимо назвать статьи сборников научных трудов «Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр», вышедших в журнале «Проблемы исторической поэтики» (Вып. 3–14. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ), а также статьи сборников научных трудов «Христианство и русская литература».
- ³ Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 5. С. 207. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием номера тома и страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Бердникова О. А. Реминисценции, цитаты и мотивы Псалтири в творчестве И. А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. — С. 315–328 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1458029841.pdf
2. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: Творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции. — Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 272 с.
3. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. — 280 с.
4. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
5. Есаулов И. А. Христианская традиция и художественное творчество // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. — С. 17–29 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2565>
6. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2. — С. 5–31 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472>
7. Захаров В. Н. «Вечное Евангелие» в художественных хронотопах русской словесности // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. — Вып. 9: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 6. — С. 24–37 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf
8. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. — М.: Индрик, 2012. — 264 с.
9. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. — Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. — С. 5–17 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511>
10. Карпенко Г. Ю. Творчество И. А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков. — Самара: Универс-групп, 2005. — 68 с.
11. Ковалева Т. Н. Библейский хронотоп в путевых поэмах И. А. Бунина «Тень Птицы» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. — Вып. 13: Актуальные аспекты. — С. 507–527 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456403600.pdf

12. Ковалева Т. Н. Типы художественного времени и их роль в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. — Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание. — С. 417–443 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920692.pdf
13. Ковалева Т. Н. Моделирующая функция начала романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (опыт семиотического исследования художественного времени-пространства) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2002. — № 1. — С. 54–55.
14. Пращерук Н. В. «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий»: традиции православия в жизни Алексея Арсеньева // Метафизика И. А. Бунина: сб. науч. тр., посвященный творчеству И. А. Бунина. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — Вып. 2. — С. 7–15.
15. Пронин А. А. Судьба цитат из христианских источников в книге И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2. — С. 505–514 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2554>
16. Пронин А. А. Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И. А. Бунина «Тень Птицы» и поэма В. А. Жуковского «Агасфер» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. — Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. — С. 459–464 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2647>
17. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. — М.: Наука, 1983. — С. 227–284.

Tat'yana N. Kovalyova

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russian Federation)

tatjana_kovaleva@mail.ru

THE PATH OF LIFE BY THE WILL OF GOD IN THE NOVEL "THE LIFE OF ARSENEV" BY I. A. BUNIN

Abstract. The article is devoted to the analysis of a Christian motif of the Path by the Will of God in the novel "The Life of Arseniev" by I. A. Bunin. The novel "The Life of Arseniev" is full of images of the main character's movement in space as well as of the motifs of motion which as a whole form and allow discovering the most ancient mythologem of the Path in the text that has high semantic potential. In course of the study the author has revealed several meanings and invariants of this mythologem in the novel, among which the motif of Life Path by God's Will plays a peculiar role and is taken into account while making researches. For that purpose, the key spatial images of the Christian chronotope of the novel (temple, church, cathedral) have been disclosed and analyzed, the role of the Bible quotations, subjects, motifs, images the main character appeals to in the course of his insights into searching for the true Path has been revealed. The motifs of the Path to God and the Path by God's Will play a key role for understanding hero's strivings and leading author's ideas, and fulfill in the novel a subject-making function as well as a sense-making one.

Keywords: I. A. Bunin, "The Life of Arseniev", motif, Path by the Will of God, True Path, Cathedral, Bible quotations

References

1. Berdnikova O. A. Reminiscences, Quotations and Motifs of the Psalter in the Works of I. A. Bunin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2012. Vol. 10: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]*. Issue 7, pp. 315–328. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1458029841.pdf (In Russ.)
2. Berdnikova O. A. «*Tak sladok serdtsu Bozhii mir*»: *Tvorchestvo I. Bunina v kontekste khristianskoy dukhovnoy traditsii* ["*The God's World Is so Sweet for the Heart*": *Ivan Bunin's Creative Work in the Context of the Christian Spiritual Tradition*]. Voronezh, Voronezh Regional Printing House, E. A. Bolkhovitinov's Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)
3. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature [The Category of Sobornost' in Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, pp. 145–158. (In Russ.)

4. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
5. Esaulov I. A. Christian Tradition and Literary Art. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2005. Vol. 7: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [*The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre*]. Issue 4, pp. 17–29. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2565> (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Orthodox Aspects of Russian Literature Ethnopoetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1998. Vol. 5: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [*The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre*]. Issue 2, pp. 5–31. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (In Russ.)
7. Zakharov V. N. “The Eternal Gospel” in the Artistic Chronotopes of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011. Vol. 9: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [*The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre*]. Issue 6, pp. 24–37. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (In Russ.)
8. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty* [*The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects*]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ, 2001. Vol. 6: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [*The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre*]. Issue 3, pp. 5–17. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (In Russ.)
10. Karpenko G. Yu. *Tvorchestvo I. A. Bunina i religioznoe soznanie rubezha vekov* [*The Creative Work of I. A. Bunin and the Religious Consciousness at the Turn of the Century*]. Samara, Univers-Grupp Publ., 2005. 68 p. (In Russ.)
11. Kovalyova T. N. The Biblical Chronotope in the “Travel Poems” by I. A. Bunin “The Bird’s Shadow”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2015. Vol. 13: Current Aspects, pp. 507–527. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456403600.pdf (In Russ.)

12. Kovalyova T. N. Types of Artistic Time and Their Role in Ivan Bunin's Novel "The Life of Arseniev". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2016. Vol. 14: Analysis, Interpretations, Understanding, pp. 417–443. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920692.pdf (In Russ.)
13. Kovalyova T. N. The Modeling Function of the Beginning of I. A. Bunin's Novel "The Life of Arseniev" (The Experience of a Semiotic Study of Artistic Time-Space). In: *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin]*, 2002, no. 1, pp. 54–55. (In Russ.)
14. Prashcheruk N. V. "Keep Watch, Because you Do Not Know the Day on Which Your Lord Will Come": The Traditions of Orthodoxy in the Life of Alexei Arseniev. In: *Metafizika I. A. Bunina: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy tvorchestvu I. A. Bunina [Metaphysics of I. A. Bunin: The Collection of Scientific Works Dedicated to the Creative Work of I. A. Bunin]*. Voronezh, NAUKA-YuNIPRESS Publ., 2011, issue 2, pp. 7–15. (In Russ.)
15. Pronin A. A. Quotations from Christian Sources in Ivan Bunin's Novel "The Life of Arseniev. Youth". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1998. Vol. 5: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]*. Issue 2, pp. 505–514. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2554> (In Russ.)
16. Pronin A. A. Evangelical Footprint in a Collection of Ivan Bunin's Travel Short Stories Bird's Shadow and Vasily Zhukovsky's Poem Ahasuerus. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2001. Vol. 6: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]*. Issue 3, pp. 459–464. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2647> (In Russ.)
17. Toporov V. N. Space and Text. In: *Tekst: semantika i struktura [A Text: Semantics and Structure]*. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–284. (In Russ.)